

Дрѣвняя Дрѣвоцѣлявш

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

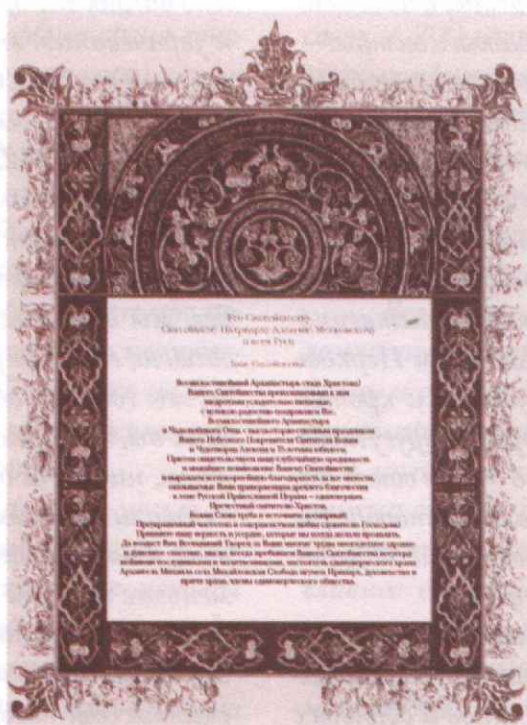
1. 75-летие Святейшего Патриарха Алексия Московского и всея Руси 1
2. История Единоверия. Устройство единоверческих приходов в Стародубье в конце XVIII века. 4
3. Лица. Сподвижник инока Никодима. В. Карпец 6
4. Литературная страница. Н. Клюев; Песнослов. М. Душин 10
5. История нашего храма. Дневник протоиерея Стефана Смирнова 13
6. Богослужения в единоверческом храме Архангела Михаила в марте 2004 года 16

75-ЛЕТНЕ СвЯТЕЙШЕГО ПАТрИАРХА АЛЕКСИЯ МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ

23 февраля Святейшему Патриарху Алексию Московскому и всея Руси исполнилось 75 лет, а 25 февраля Предстоятель Русской Православной Церкви праздновал день своего тезоименитства — память Святителя Божия Алексия, митрополита Киевского и всея Руси Чудотворца.

Присоединяясь к многочисленным поздравлениям в адрес Святейшего Патриарха, духовенство, причт и члены Михаило-Архангельского единоверческого общества направили ему следующее послание:

*Его Святейшеству
Святейшему Патриарху Алексию Московскому и всея Руси.
Ваше Святейшество!
Всемиловитѣйший Архипастырь стада Христова!*

Поздравление Святейшему Патриарху от духовенства, причта и членов единоверческого общества храма Архангела Михаила

Вашего Святейшества преизливаемыми к нам щедротами усладительно питаемые, с великою радостью поздравляем Вас, Всемиловитѣйшего Архипастыря и Чадолобивого Отца с высокотожественным праздником Вашего Небесного Покровителя Святителя Божия и Чудотворца Алексия и 75-летним юбилеем.

Притом свидетельствуем нашу глубочайшую преданность и нижайшее повиновение Вашему Святейшеству и выражаем всепокорнейшую благодарность за все милости, оказываемые Вами приверженцам древлего благочестия в лоне Русской Православной Церкви — единоверцам.

Пречестный святителю Христов, Божия Слова труба

и источнике всемирный! Преукрашенный чистотою и совершенством любви служителю Господень! Примите нашу верность и усердие, которые мы всегда желали проявлять.

Да воздаст Вам Всевышний Творец за Ваши многие труды многолетное здравие и душевное спасение, мы же всегда пребываем Вашего Святейшества всеусерднейшими послушниками и молитвенниками, настоятель единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода игумен Иринарх, духовенство и причт храма, члены единоверческого общества.

Вспоминая многие труды на пользу Церкви Христовой, нам невозможно забыть того мудрого, отеческого отношения к нам — единоверцам, которое Святейший Патриарх проявляет во все время управления Русской Церковью. Наилучшим образом такое отношение было запечатлено в Послании Его Святейшества «Чадам Русской Православной Церкви, сохраняющим в богослужении древние русские обряды в связи с 200-летием канонического бытия старообрядных приходов в лоне Московского Патриархата» от 24 ноября 2000 года. Принося поздравление Святейшему Патриарху, считаем своим долгом ознакомить наших благочестивых читателей с этим важнейшим документом, который мы приводим полностью:

Боголюбивые архипастыри, пастыри и всечестные иноки, возлюбленные о Господе братья и сестры!

Благодать вам и мир от Господа нашего Иисуса Христа! Сердечно приветствую всех вас, собравшихся ныне на юбилейную конференцию.

Отмечая 200-летний юбилей канонического бытия старообрядных приходов в лоне Московского Патриархата, Русская Православная Церковь свидетельствует ныне о непреходящей действительности церковных устоев, согласно которым Церковь Христова «со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира» (Еф. 4, 1-3), издревле допускала разнообразие местных литургических особенностей и обрядов при условии единства в истинах веры.

Более трех веков минуло с тех пор, когда в России были предприняты усилия по установлению единообразия богослужебных чинов и обрядов с таковыми же, утвердившимися к тому времени в Греко-Восточных Православных Церквях. Эта реформа встретила серьезную оппозицию у значительной

части духовенства и церковного народа православной Руси.

Создавшееся в Русской Православной Церкви положение было предметом озабоченности Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложивших клятвы на всех, не приемлющих изменения, произведенные Патриархом Никоном и его преемниками.

Постановления Московских Соборов 1656 и 1667 гг. не привели к умиротворению, но косвенно явились одной из причин последовавшего трагического раскола в Русской Церкви и отпадения от нее многих приверженцев старых обрядов. Бесплодная полемика по обрядовым вопросам, с применением обеими сторонами недопустимых «поносительных выражений», гонения светских властей на инакомыслящих, отчего пострадали многие ревнители старых обрядов, привели к росту недоверия и углублению противостояния.

Раскол, возникший в XVII веке и получивший название «старообрядческий», на протяжении трех столетий остается причиной глубокой скорби и озабоченности православного народа в нашем Отечестве. Помня завет Господа нашего Иисуса Христа «да будут все едино» (Ин. 17,21), христианин не может, не имеет права мириться с состоянием разделения, воспринимая его как историческую данность, но всеми силами должен стремиться к излечению этой болезненной кровоточащей раны на Теле Христовом, «дабы не было разделения в теле, а все его члены одинаково заботились друг о друге» (1 Кор. 12:25-26).

Святитель Иоанн Златоуст свидетельствует: «Ничто так не противно Богу, как разделения в Церкви. Даже если мы совершили тысячу благих дел, мы виновны, как те, кто мучил тело Господа нашего, если мы раздираем тело Церкви. Вот почему мы говорим вам это теперь, чтобы в последний день вы не могли сказать: никто не сказал мне об этом, никто не объяснил. Мы не знали об этом и не считали это грехом. Теперь я говорю и свидетельствую, что причинять разделение в Церкви есть не меньшее зло, чем впасть в ересь. Поскольку все вы совершеннолетние и отвечаете за свои дела, я прошу вас быть ответственными за свои поступки, не считая себя невинными и кладущими все у нашего порога, ибо так вы можете избежать столь вредного вам самообмана».

Ныне мы отмечаем 200 лет с того дня, как Святейший Синод Российской

Православной Церкви, движимый стремлением к уращеванию пагубного разделения, рассмотрел просьбу части приверженцев старых русских обрядов о принятии их в церковное общение с восстановлением законного священства и принял решение о воссоединении с Церковью обратившихся из раскола, благословив им отправлять богослужение по старопечатным книгам, соблюдая старые русские обряды. Решение Святейшего Синода вступило в силу 27 октября 1800 года и с этого дня многие вернулись в дом отчий, стали возлюбленными чадами Матери-Церкви, наследниками ее благодатных даров.

Однако постановления и клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 гг., где в старых обрядах до никоновских времен усматривался чуть ли не еретический смысл, вызывали определенное смущение у православных русских людей. Наиболее просвещенные иерархи Русской Православной Церкви, стремившиеся к уращеванию раскола, понимали, что клятвенные определения Соборов 1656 и 1667 гг. существенно препятствуют взаимопониманию и доверию, столь важных и необходимых в двустороннем диалоге. В результате длительной и кропотливой работы Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. наметил ряд важных начинаний, направленных на обретение чаемого единства Российской Церкви, но известные исторические события и наступившее затем скорбное время гонений на христианство в России не позволили воплотить в жизнь эти благие намерения.

Только в 1971 году Собор Русской Православной Церкви своим Деянием от 2 июня подтвердил православие богослужебных книг, бывших в употреблении до Патриарха Никона, засвидетельствовал спасительность старых русских обрядов, отверг порицательные о них выражения и отменил клятвенные запреты Соборов 1656 и 1667 гг., «яко не бывшие», как на сами обряды, так и на придерживающихся их православноверующих христиан.

Перед лицом исторических фактов нельзя не признать, что преследования и ограничения в отношении старообрядцев, насильственные методы преодоления раскола, явились следствием непродуманной государственной политики России в прошлых столетиях, положившей труднопреодолимую

разделенность в Русской Церкви, существующую до сего дня. Таким образом, не столько само по себе исправление богослужебных книг и изменение обрядов,

происшедшие при Патриархе Никоне, сколько жесткие и неоправданные методы приведения к повиновению, сыграли определяющую и самую трагическую роль в углублении раскола.

Оценивая события трехсотлетней давности, Мы не считем себя вправе судить об ответственности отдельных лиц, вовлеченных в репрессивные действия по отношению к части своей паствы, ибо все они давно предстали перед судом Божиим. Ныне же, следуя заповеди Спасителя «потому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 15, 34), Мы прощаем Нашу любовь ко всем последователям старых обрядов, как пребывающим в лоне Русской Православной Церкви, так и вне ее, призывая оставить прежние обиды и несправедливости, не возобновлять бесплодных обрядовых споров и, в особенности, не допускать взаимных порицаний, так как при единстве догматов веры и православного исповедания те и иные обряды священны и равноспасительны.

Чадом Русской Православной Церкви нужно помнить, что древние церковные обряды составляют часть нашего общего духовно-исторического наследия, которое следует хранить как сугубую драгоценность в литургической сокровищнице Церкви.

Преподавая Наше Патриаршее благословение всем священнослужителям, инокам и верующим в связи с 200-летием канонического бытия старообрядных приходов в лоне Московского Патриархата, Мы сердечно желаем всесильной помощи Божией всем ревнителям древнего благочестия и надеемся, что ваши труды станут весомым вкладом в общецерковное делание православной проповеди богооткровенных и спасительных истин христианства.

Воздав хвалу и благодарение Господу Богу, положившему во время оно в сердца избранных своих благое и спасительное помышление прийти в соединение веры и в разум истины. Мы возносим также свои молитвы ко Творцу и о сынах наших, «ушедших на страну далече» (Лк. 15, 13), – да приведет Он расстаяшая паки воедино, да утвердит православное единомыслие употребляющих равноспасительные новые и старые обряды, да в любви друг ко другу исповедуем и славим едиными устами и единым сердцем Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единую и Нераздельную.

Алексий

Патриарх Московский и всея Руси

История Единовѣрца

Устройство единовѣрческих приходов в Стародубье в 90-е годы XVIII столетия

(продолжение)

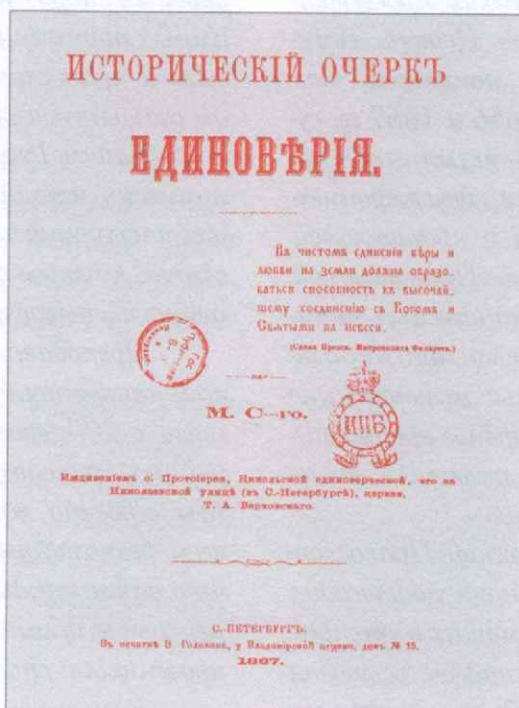
КОГДА Митрополит Гавриил благословил дать стародубским просителям-старообрядцам священникам на старые обряды, он приказал в то же время их доверенным лицам искать себе пастыря из числа столичного духовенства, который бы согласился отправиться в слободы для окормления желающих присоединиться к Церкви. Выбор соединенцев единоголосно пал на священника Андрея Иоаннова Журавлева, который сам происходил из старообрядцев и был ходатаем по делам стародубцев в столице. Они прямо обратились к нему и умоляли принять на себя святой труд ради награды небесной. Отец Андрей не долго колебался между неудобством разлуки со своей семьей на неопределенное время и внутренним призыванием к святому делу соединения.

Получив благословение от Преосвященного Гавриила, он отправился в путь и 8 ноября 1788 года приехал в стародубские слободы. Соединенцы встретили долгожданного пастыря с хлебом и солью и сердечной радостью, переданной в приветственной речи, обращенной к отцу Андрею единомышленником инока Никодима Яковом Беляевым. «Мы так начали желаемого искать, уже тому осьмое лето, — говорил он, — и кто может исчислить беды и напасти, подъятыя нами? Чашу горестей пили

мы даже днесь. Но слышите отцы и братия! Не того ради в сей час воспомянул я скорби наши, чтобы мы в них сокрушались, но чтобы ведали и знали, как они в един час исчезли. Ныне уже досаждающие нам приемлют печаль, а мы преложились на радость».

Обратившись к отцу Андрею, он продолжал: «Итак вы ныне причину измены нашей из скорбей в радость, из болезней в веселие. Чрез вас ныне венчает нас Вседержитель милостию и щедротами и исполняет во благих желание наше. Но можно ли только словом изобразить веселие нашего духа? Не лучше ли любить молчание, и умною жертвою духа сокрушенна, благословлять и не забывать всех воздаяний его? Не скажут уже ныне: где же, где ваши благословенные священники? Мы скажем: вот они, да и еще есть и будут; данные им от прекрасного рая ключи с ними, и с тем только намерением присланы к нам, чтобы освященных нас пускать в оный блаженствовать, на неизреченную славу и безконечное веселие на веки. И не сей ли есть

венец нашей радости, которым днесь венчает нас Вседержитель, что мы ныне, по милости великаго Бога и Всемилостивейшей Государыни нашей, дважды блаженны: мы и сынове Соборныя Церкви, и хранители старых обрядов; а при всем том благословенны от Бога, и от своего архипастыря и отца,

Титульный лист книги, использованной при подготовке данного материала. Книга приобретена редакцией в Санкт-Петербургской Публичной библиотеке на пожертвования читателей «Правды Православия»

а не прокляты и связаны? И теперь такую несказанную радость кто отымет от нас?»

Итак, с приездом священника в Стародубье, закончилось томительное ожидание соединенцев, зато возникли другого рода невзгоды. За время ожидания ответа на прошения, желавших присоединиться к Церкви, сама идея такого соединения потеряла многих своих сторонников, из-за длительной неопределенности и молчания в ответ на множество прошений соединенцев. Если к числу таких отпавших от идеи прибавить еще старообрядцев, бывших изначально против соединения, то мы обнаружим, что единоверцы оказались в Стародубье в явном меньшинстве. В результате основным спорным вопросом между присоединившимися к Церкви и их оппонентами стал вопрос о собственности церквей и часовень. Возникли нескончаемые судебные тяжбы и успех в этих делах в большей части не благоприятствовал соединенцам, так как они могли лишь в недостаточной степени претендовать на то, чтобы быть собственниками церквей, благоуукрашителями которых частично являлись.

Отцу Андрею Иоаннову Журавлеву приходилось весьма непросто в существовавших условиях. Передача Успенской церкви слободы Климовской соединенцам возбудила сильное негодование среди несогласных. В основном возмущение было направлено лично против отца Андрея, в котором видели главного виновника бедствий. Он опасался даже ходить по самой слободе без провожатого. Его оскорбляли в лицо при встречах. *«Признаюсь, Владыко Святый, — писал отец Андрей Преосвященному Амвросию Таврическому, — ей, духу моего недостает к терпению, верьте, и сердце мое несказанно поет»*. Кроме прочих неприятностей, отцу Андрею приходилось испытывать скудость содержания, недостаток в приличном помещении и одежде. Во время его трехлетнего отсутствия в столице умерли его сын и дочь.

Однако, несмотря на все невзгоды, действия отца Журавлева в слободах были успешны. По его описанию, он прежде всего обратил в Единоверие

многих купцов и мещан в посаде Климовском и освятил 23 февраля 1789 года по благословению Преосвященного Амвросия приходскую церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы.

В Неделю Православия отец Андрей отслужил первую Божественную Литургию и с этого времени в Успенской церкви начались постоянные богослужения. В том же 1789 году им же были основаны еще две единоверческие церкви — в посаде Злыньском во имя Вознесения Господня, а в посаде Зыбковском во имя Преображения Господня. Первая из них была освящена в 1794 году, а вторая в 1795 году. Кроме того, отец Журавлев в 1791 году освятил новую церковь во имя Живоначальной Троицы в Успенской Никодимовой пустыни, которая с тех пор стала называться Святотроицкою. В конце 1791 года отец Андрей, возведенный незадолго до этого в сан протоиерея, вернулся в Санкт-Петербург.

А 25 ноября того же года в Злынке происходило большое торжество по поводу закладки новой церкви в честь Вознесения Господня. Закладку совершал священноинок Андрей из Никодимова монастыря с климовским священником Михаилом Иларионовым, поступившим на место отца Журавлева, и зыбковским священником Власом в присутствии иноков Никодимова монастыря и прихожан.

В 1794 и 1795 годах по благословению нового Екатеринославского Преосвященного Гавриила было освящено еще шесть единоверческих церквей в слободах Стародубских и три — в области Таврической. Для всех этих церквей были рукоположены священники.

Этим заканчивается первоначальная история единоверия в слободах Стародубья, где впервые у инока Никодима родилась мысль о возможности условного соединения с Великороссийской Церковью, которая после кончины последнего, нашла свое воплощение в видоизмененной форме: вместо обещанного архиерейства было даровано благословенное священство, что, конечно, не соответствовало первым чаяниям искавших соединения.

(продолжение следует)

P.S. При подготовке материала были использованы труды: свящ. С. Шлеева «Единоверие в своем внутреннем развитии» (1910) и «Исторический очерк Единоверия» М. С-го (1867).

Лица

Сподвижник инока Никодима

О Якове Стефановиче Беляеве (1751—1792) известно не так уж много. Тем не менее, в истории усилий по преодолению церковного раскола и учреждения Единоверия в XVIII веке человек этот занимает весьма значительное место. Он не только подвижник и действительный соединитель, но в еще большей степени — писатель, начетчик, историк. Когда русская летописная традиция была насильственно прервана, он пытался ее продолжить. Это вообще характерно для времени после раскола. Уже упоминавшийся В. Г. Сенатов приводит обычный случай. Губернатор объезжает деревни. «Кто живет?» — «Раскольники». — «Грамотные есть?» — «Есть». — «Сколько?» — «Все». Едет в соседнюю. «Кто живет?» — «Православные». — «Грамотные есть?» — «Есть». — «Сколько?» — «Двое». — «Кто?» — «Поп да староста». И дело здесь не только в свойственной старообрядцам трезвости и любви к книге, хотя и в этом, конечно, тоже. Дело еще и в тревожном «исчезновении» истинной русской аристократии — вспомним эти мотивы у Ключева, у Мусоргского... В недавно опубликованных неоконченных трудах о Павла Флоренского мы находим загадочные упоминания о многие годы шедшем «уничтожении крестьян-Рюриковичей». Разумеется, мы ничего ни о ком не утверждаем — родословия сожжены и развеяны, но как муромский купеческий сын мог написать более десятка книг чистым и богатейшим языком, когда придворные одописцы едва знали по-русски, впрочем, сами в том признаваясь («Не может вымолвить язык...»)?

Яков Стефанович Беляев родился в Муроме в семье «незаписного» старообрядца. Что это означает? При Петре I все старообрядцы должны были «записаться раскольниками». Это давало защиту от преследований, но предполагало особое налогообложение и поражение в правах. На «записных» смотрели как на исповедников древнего благочестия, готовых к бегам и гарям. Но и когда старообрядцы записывались «православными»,

они ни от чего не отрекались и нисколько не лукавили, поскольку и были таковыми, причем гораздо более, чем приезжавший их переписывать чиновник, раз в год говевший ради справки. Таких «незаписных» было едва ли не пол-России, а к востоку от Москвы, от Владимирщины до Сибири, и более. Местные священники, как правило, сами сочувствовали древнему благочестию, самостоятельно, как умели, отчитывались за свою мнимую паству. Порой такими «незаписными» были монастыри и даже крупные, с общероссийской славой, не говоря уже о скитах.

Отец Якова Стефановича Стефан Иванов Беляев принадлежал к ветковскому согласию и славился, как и дед, странноприимством и нищелюбием, а мать, постница и молитвенница, посвятила жизнь богадельням, тюрьмам, «странным и хворым». По собственному признанию, Яша был у нее любимым сыном, и она наставляла его даже и в зрелые годы.

В 1773 году, 21 года от роду Яков Беляев поселился в Покровском Стародубском монастыре. Инок он, однако, так никогда и не стал, оставшись бельцом. Перед поступлением в монастырь над ним был совершен чиноприем через миропомазание. Связано это было с тем, что происходил он из «незаписных», а, следовательно, с точки зрения старообрядцев, формально принадлежал к еретикам второго чина. Впоследствии Яков Стефанович вспоминал об этом с неудовольствием; более того, резкое неприятие «перемазанщины» и было тем, что сразу же объединило его с иноком Никодимом. Осознание им неправды «перемазанщины» соединилось с наблюдениями над безконечными раздорами среди стародубцев и ветковцев. Сразу же он отслеживает в поповщине пять отдельных «церквей»: 1) ветковской, 2) диаконовской, 3) епифаниевской, 4) черныбыльской, 5) перемазанской, из которых каждая считает одну себя истинной Христовой церковью и, несмотря на полное единство в учении, проклинает все остальные. О безпоповцах и говорить нечего, хотя и у

них догматика столь же православна. Но самое главное — единство в учении со старообрядцами он быстро усмотрел и у Церкви Великокороссийской. Отсюда следует неотменимый вывод — отход от нее есть неправда. Более того, Яков Стефанович быстро пришел к выводу о том, что нельзя отделяться от Церкви ни за какие грехи, даже смертные (каковыми он, безусловно, считал реформы XVII века), если Поместная Церковь не осуждена Вселенским собором, — а такового более быть не может. В этом, по мнению Беляева, и состояла главная ошибка старообрядцев, безусловно правых во всем остальном. Это последнее не менее важно — какую-либо возможность принятия для себя новин XVII века он отвергает без сомнения. Все эти мысли Яков Стефанович высказывает в написанных им позднее книгах «Путь истинный» и «Спасенное средство», при этом указывая, что зародились они именно в пору юношеского послушничества.

В Покровском монастыре Яков Беляев пел в хоре, преподавал в училище и много работал в книгохранилище. В круг его чтения входят не только святоотеческие сочинения и популярные в те времена «риторики Лихудиевы», но и, например, «Раймондулиева книга», то есть «Великая и предивная наука» Раймонда Дуллия, одного из классиков алхимии. За книжным чтением он и знакомится с иноком Никодимом, с которым обнаруживает полное единомыслие, проявившееся, в частности, во время приезда в Стародубье одного из главных поборников перемазания, знаменитого Сергия Иргизского. Никодиму с Беляевым удалось тогда одолеть «перемазанцев» в «спрениях о вере», что, впрочем, едва не стоило им жизни. К слову тогда относились серьезно, и, следовательно, за все сказанное следовало платить. «На Никодима и на меня, — писал позднее Беляев, — смерть определена была, слышно от них было; а я не надеялся спасен быти, но разве вполжива или живот окончитъ смертию мученическою». 17 марта 1780 года Беляев действительно едва не был убит сторонниками перемазания — спас его упоминавшийся нами поп Михаил Калмык, как и Никодим, из диаконовского согласия. Было и много других случаев, о которых рассказывает Яков Стефанович, — и с дубьем на него ходили, и за мзду урядника уговаривали в Сибирь сослать... Всякое было, да Бог берет.

В это время, как мы уже отмечали, диаконы еще рассматривали возможность получения священства не обязательно от Великокороссийской Церкви (в особенности уступая предубеждению старообрядцев). Об этом говорил Никодим, об этом писал и Беляев: «Я думаю, надо быть архиерею у нас в недолгом времени или от Цареградской стороны, или от Российской. А если Всевышняго судьба определила не быть архипастырства Российского из наших поставлены достойные, с ведома синодального, на наших волях, в старообрядчестве». Здесь надо заметить, что Беляев, в целом единомысленный с Никодимом и Михаилом Калмыком, вносит и свое суждение, открывающее совершенно иные возможности. Он допускает положение, при котором старообрядцы останутся (временно или навсегда) без архиерея, что, конечно, очень плохо, но, как он полагает, не смертельно. При условии, что поставляемое от Синода священство будет выборным («на наших волях») и будет строго придерживаться старого обряда, это возможно, хотя и нежелательно. Можно смело сказать, что именно мысли Беляева были воплощены в Единоверии XIX века, по сути воплощаются и в Единоверии современном, после того, как поставленные после Собора 1917–1918 гг. епископы погибли в смутные времена.

Разумеется, предпринятые попытки, впрочем, не столь и настойчивые, поиска архиерея «на стране далече», как мы уже показали в очерке о Никодиме, успехом не увенчались. К указанным добавим еще одну. В 1781 году находившийся в Могилеве Волынский греческий митрополит Евсевий Ийетский познакомился со старообрядцами и «благословил проводить особу достойну на архиерейский престол». Старообрядцы остановились было на послушнике Покровского монастыря Якове Стефанове Беляеве, но быстро отказались от этой мысли оттого, что в нем «находили слабость к Российской церкви, да более за младостию». К тому же вскоре Евсевий уехал из Могилева, чему, по-видимому, Беляев и Никодим были скорее рады, поскольку с отказом безместного греческого митрополита вопрос о «цареградском поставлении» отпал сам собою. В марте 1781 года Никодим вступил в переписку с митрополитом Санкт-Петербургским Гавриилом. А пока идут пе-

реговоры, Яков Стефанович проводит в Стародубе беседы и в августе того же года открыто призывает «не тяжелиться на Российскую церковь столько, сколько она не стоит, и предпочитать старческие сердца, которые бы были готовы, одним словом сказать, занять священство». Как писал сам Беляев, в это время у него с Никодимом «в тайне положено было, что если хотя архипастыря не дадут, то лучше взять священство у епархиального архиерея».

В это время начинаются собеседования Якова Стефановича не только с поповцами, но и с беспоповцами. В 1783 году при объезде посадов Климова и Злынки он объясняет беспоповцам, что «нужно есть в трех чинах священство и прочая приличная к наклонению сердца к предприятю благословенного священства». Беляев тщательно изучает многочисленные беспоповские цветники, находя в них много верного, но много и совершенно неприемлемого. Внимательно читает он сочинения Ивана Алексеева, апологета «безсвященнословного брака», пытавшегося примирить беспоповское учение с человеческими немощами. Раздражение вызвала у него беспоповская книга против чая и кофе. По отзыву Беляева, он «сколько не жил, столько не читывал, а такого злохуления и дурацкого учения не слышивал». Переписывает Беляев и из беспоповских рукописей об антихристе, причем местные беспоповцы, толкуя преп. Петра Дамаскина о некоем чернце из северной страны, учение это, по словам Якова Стефановича, «наводили на Никодима старца». Изучение причудливых беспоповских «строматов», весьма затягивающих и весьма трудных для опровержения, в конце концов Яковом Стефановичем было оставлено как для себя малополезное.

Так или иначе, в начале ноября 1783 года Беляев вместе с иноком Никодимом выезжают в Москву, а затем и в Петербург. В Москве Беляев встречается с митрополитом (тогда архиепископом) Платоном, будущим автором Правил Единоверия. Они видятся после тайной беседы Платона с Никодимом и говорят не о пунктах примирения (это было дело только Никодима), но «до

 устанку о церкви, о прозбе, о сложении перстов, о Мартине еретике, о наших сектах, о кладбище и кладбищенском мироварении, о услови, можно ли дать

к старообрядчеству архипастыря, и о всем толкование производили».

А 27 декабря 1783 года Беляев, Никодим и еще некоторые их спутники прибыли в Петербург, где были представлены Митрополиту Гавриилу (в дальнейшем все переговоры с ним вел один Никодим), а также посетили в связи с именинами купца Ивана Милова, того самого, с кем позднее беседовал о старообрядчестве Император Павел. На именинах присутствовал и назначенный в епископа старообрядцам архимандрит Вениамин, ректор Новгородской духовной семинарии и настоятель монастыря Преподобного Антония Римлянина.

По возвращении из столиц Яков Стефанович уже совершенно открыто исповедовал Велико-российскую Церковь православною и защищал идею принятия от нее законного священства. В Великий Четверг 1784 года перед исповедью у отца Михаила Калмыка Беляев спросил его: «Где вы, государь батюшка, принимали благодать священства?» Ответ был двойким: или от рукополагавшего архиерея (Великороссийского) или «при приеме» от совершавшего справу попа (беглого). С точки зрения беглопоповской правильным был второй ответ. Но отец Михаил ответил: «Там благодать священства получил, кто меня рукополагал». Тем самым оба они — Яков Стефанович и отец Михаил — открыто исповедали именно Единоверие, а не учение беглопоповских согласий. По словам Беляева, «если бы Михаил не исповедал благодать (именно то, что она получена при хиротонии), то бы не могли причаститься от руки его, потому что мы же ясно знали, что кто отречется от Христа, или крещения, или благодати, сей в смертном гресе есть и еретик, и чем может связать и развязать меня во грехах моих на земли суца».

12 мая 1784 года скоропостижно скончался инок Никодим. Дело, во многом державшееся на нем лично, стало приходить в упадок, а то и вовсе рушиться. Хотя в 1785 году Высочайшим указом старообрядцам и было дозволено получать священников от Греко-Российской Церкви, официальное объявление об этом князя Потемкина от 18 августа разъясняло, что сие обусловлено переселением старообрядцев в Новороссию. Когда в 1787 году Яков Стефанович вместе с иноком Виталием, Иосифом Ивановичи-

чем, Иваном Кузнецовым и другими подал прошение об этом епископу Екатеринославскому Амвросию, тот ответил: «Без князя не смею, просите князя» и «если примете новые книги, то и без княжеского ведома священство дам». Это последнее было уже не просто ударом, а оскорблением, и Яков Беляев ответил прямо: «Этому гласу есть уже 130 лет, так нам и ездить к Вам за 500 верст не для чего, у нас за две версты есть такие церкви». Интересно, что сам Амвросий, местные чиновники и приверженцы раскола прекрасно находили общий язык меж собою по старому обыкновению «рука руку моет». Людей, видимо, вообще следует разделить на способных к «соединению несоединимого» и таковой способности лишенных, причем вторые никогда не смогут понять первых, да и не надо их заставлять. Это есть во всем, в том числе и в Церкви. Что же до Беляева, то, оставаясь, как он сам себя называл, «любимцем старых обрядов», он столь же ясно и открыто свидетельствовал верность им, сколь и исповедовал наличие апостольского преемства благодати только в Церкви Великороссийской, не желая поступаться ни тем, ни другим. На этом, собственно, и стоит Единоверие.

8 ноября 1788 года, после слезного послания старообрядцев в Петербург, к митрополиту Гавриилу, в Стародубье, в Успенский Никодимов монастырь прибыл из столицы протоиерей Андрей Журавлев. Человек образованный, благочестивый и усердный, протоиерей Андрей Иоаннович был встречен очень радостно, с хлебом-солью. Яков Стефанович использует это обстоятельство для посылки в 1789 году своего сочинения под заглавием «Путь истинный, пресветлый и нелестный, ведущий любимца старинных обрядов к познанию единых святых, соборных и апостольских церкви» известному московскому старообрядцу

Григорию Феодоровичу Ямшикову для разсылки как поповцам, так и безпоповцам.

Во время пребывания отца Андрея Журавлева в Успенском Никодимовом монастыре Беляев перешел из Покровского монастыря в Успенский. Он желал всячески помочь священнику. В этом монастыре он написал «Путь истинный», «Летопись знатных приключений», представил Андрею Иоанновичу Журавлеву «Историческое описание старообрядческого Казанского девичья монастыря, что при Климовском посаде». Это последнее, а также написанная в традиционном стиле «Летопись Ветковской Церкви», над которой Беляев работал всю жизнь, безусловно, входят в золотой фонд русской церковной археографии и краеведения, представляют собой незаменимый материал для историка, и не только старообрядчества.

Последнее известие о Якове Стефановиче Беляеве сохранилось от 1792 года, каковой и принято считать годом его преставления ко Господу.

Безусловно, лучшим памятником Якову Стефановичу служат его произведения. Они, как и многое другое забытое, замолчанное, уничтоженное, входят в огромный свод «иной русской словесности», не имеющей никакого отношения к навязываемой на протяжении более двух с половиной столетий господствующей западнической педагогикой интеллигентскую либерально-просвещенческую и индивидуалистскую литературу «лишних людей», дважды (в 1905–17 и 1985–93) послужившую горючим для поджога великой страны. Издать и сделать обязательным народным чтением, частью нового государственного «большого стиля» все, что осталось от глубинного русского слова, — наш долг. И кому, как не наследникам дела Якова Стефановича, нынешним членам единоверческих общих Русской Православной Церкви, особо не печься об издании именно его сочинений?!

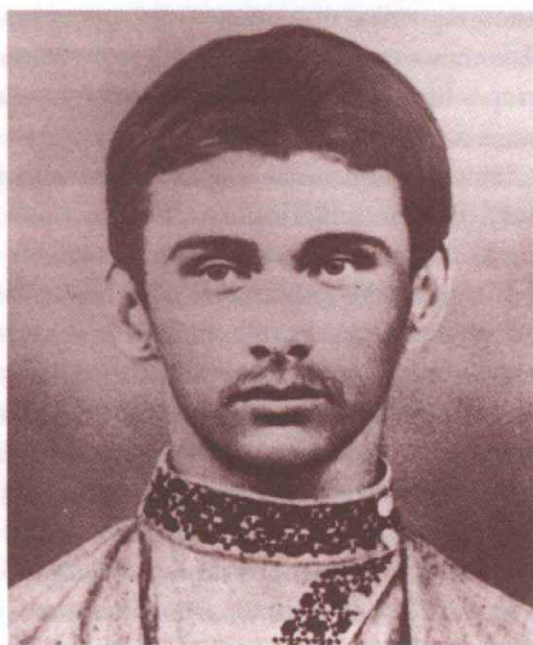
Основным источником при написании данной статьи была книга В.З. Белоликова «Яков Стефанов Беляев (Старообрядческий (впоследствии единоверец) писатель второй половины XVIII века», Киев, Типография Акционерного Общества «Петр Барский в Киеве», 1914 год.

Ведущий рубрики
В. Карнев

Литературная страница

Н. Клюев: Песнослов

те, песенному складу и всякой словесной мудрости обучен своей покойной матерью, память которой чту слезно, даже до смерти». С её именем для мальчика была связана «волхвующая сказка», «сказка без конца...»; ей остался благодарен на всю жизнь «за песни в бору, за думы в рассветки, за сказ ввечеру». О ней, родной усоншей, «Избяные песни»:

* * *

«Умерла мама» — два шелестных слова.
Умер подойник с чумазым горшком.
Плачется кот и понура корова,
Смерть постигая звериным умом /.../

В пестрой укладке повойник и бусы
Свадьбою грезят: «Годов пятьдесят
Бог насчитал, как жених черноусый
Выменял нас — молодухе в наряд». /.../

«Мама в раю», — запоет веретенце,
«Нянюшкой светлой младенцу-Христу...»
Как бы в стихи, золотые как солнце,
Впрясать волхованье и песенку ту?

«Рассматривал негатив Клюева, снятый мною у него в комнате, — вспоминает М. Пришвин. — На негативе видна развёрнутая книга старинная, на ней рука, ещё видна борода и намёком облик самого Клюева...» Так и представлялся Клюев — книга старописная, борода староверская, иконы древнего письма, блики лампад на них... Происхождением своим Клюев необыкновенно гордился, вновь и вновь не уставая повторять: «Родом я крестьянин с северного поморья. Отцы мои за древнее православие в книге Виноград Российский на веки поминаются». Порою он и пронизировал, почитая стихи свои «только за сормысленный», но всё же писал: «Я — полесник хвойных слов / Из Олонецкого бора». Многие его произведения буквально пропитаны атмосферой старой веры родителей, духом древней кондовой Руси, Руси допетровской.

НИКОЛАЙ Алексеевич Клюев родом из Олонецкой губернии (Вытегра), из семьи старообрядцев, возможно, имевших связи с бегунами. «Родом я по матери прионежский, по отцу же из-за Свити-реки... Родовое древо мое замглено корнем во временах царя Алексия... До Соловецкого Страстного сиденья восходит древо мое, до палеостровских самосожженцев, до выговских неколебимых столпов красоты народной... Дед жил не на квасу да редьке: по престольным праздникам кафтан из ирбитского сукна носил, с плисовым воротником, кушак по кафтану бухарский, а рубаху носил тонкую, с бисерной надкладкой по вороту...» Известно, что и дед поэта и отец были начётчиками, «не из рядового крестьянства, а из верхнего, умудренного книжностью слоя», верные древнему благочестию. Праксovia Дмитриевна — мать поэта, душу которой после смерти родительницы Клюев поэтически поселяет в «маковке ветхой церквушки», — была народной сказительницей (редкий дар), плачëй-вопленицей (особый разряд женщин, которых приглашали для оплакивания покойника; они знали как плакать и какие слова при этом произносить). «Грамо-

Вешний Никола

Как лестовка в поле дорожка,
Заполье ж финифти синей.
Кручинюсь в избе у окошка
Кручиной библейских царей.

Давыд убаюкал Саула
Пастушеским красным псалмом,
А мне от слового гула
Нет мочи ни ночью, ни днем.

В тоске распахнула оконце:
Все празелень хвой да рябь вод.
Глядь – в белом, худом балахонце
По стежке прохожий идет.

Помыслила: странник на Колу,
Подпасок, иль Божий Бегун, –
И слышу: «я Вешний Никола» –
Усладней сказительных струн.

Было мне виденье, сестрицы,
В сне тонцем, под хвойный канон.
С того ль гомонилы синицы,
Крякуши и гусь-рыбогон.

Плескучи леши и сороги
В купели финифтяных вод...
«Украшенны вижу чертоги» –
Верба-клирошанка поет.

* * *

В селе Красный Волок пригожий народ,
Лебёдушки девки, а парни, как мед,
В моленных рубахах, в беленых портах,
С малиновой речью на крепких губах.

Старухи в долгушах, а деды — стога,
Их росеказни внукам милей пирога:
Вспушатея усищи, и киноварь слов
Выводит узоры пестрей теремов.

Моленна в селе – семискатный навес:
До горняго неба семь нижних небес,
Ступенчаты крыльца, что час, то ступень,
Всех двадцать четыре – заутренний день.

Рундук запорожный – пречудный Фавор,
Где плоть убелится, как пена озер,
Бревенчатый короб – утроба кита,
Где спасся Иона двуперстем креста.

Озерная схима и куколь лесов
Хоронят село от людских голосов.
По Пятничным зорям, на хартии вод
Всевышние притчи читает народ:

«Сладчайшего Гостя готовьтесь принять!
Грядет Он в ноши, яко скимен и тать; —
Будь парнем женатый, а парень, как дед...»
Полощется в озере маковый свет,
В пеганые глуби уходит столбом
До сердца земного, где праотцев дом.

Там, в саванах бледных, соборы отцов
Ждут радужных чаек с родных берегов;
Летят они с вестью, судьбы бирючи,
Что попрана Бездна и Ада ключи.

Небо — «небес громовая молва», где «тучка
повойником кроет поля», «Солнышко-светик»,
«земля-землице», «жаркая глубина» вод, «седовла-
сый бор», «луг, где Егорий играет в свирель», зве-
рьё и птицы — всё это не простая окружающая
обстановка, всё это живое одухотворённое явле-
ние Божьего мира, удел мужицкого Спаса («Лих
пшеничный, с брадой солнцевласой»).

Здесь особое сердечное чувство единения
всего живого в Боге, где жизнь всякой твари при-
чудливым образом созвучна человеческому быту.

* * *

Галка-староверка ходит в черной ряске,
В лапотках с оборкой, в сизой подпояске,
Голубь в однорядке, воробей в сибирке,
Курица ж в салопе — клеваные дырки.
Гусь в дубленой шубе, утке ж на задворках
Щеголять далось в дедовых опорках. /.../

* * *

/.../ Хороша лесная родина:
Глушь да поймища кругом!..
Прослезилася смородина,
Травный слушаю псалом.

И не чую больше тела я,
Сердце – всхожее зерно...
Прилетайте птицы белые,
Клюйте ярое пшено!

Льются сумерки прозрачные,
Кроют дали изб коньки,
И березки – свечи брачные
Теплят листьев огоньки.

Живое русское народное слово для Клюева — не литература, а сакральный «птичий» (не случайна фамилия — Клюев), «сирский» язык, доступный сознанию человека Святой Руси. *«Свете Тихий от народного лика / Опочил на моих запятых и точках»*. В нескольких стихотворениях поэт разрабатывает мистику русского алфавита, пытаюсь постигнуть глубину родной речи.

Поддонный псалом
/.../Аз Бог Ведаю Глагол Добра —
Пять знаков чище серебра;
За ними в след: Есть Жизнь Земли —
Три буквы — с золотом корабли,
И напоследки знак Оита —
Змея без жала и хвоста...
О Боже сладостный, ужель я в малый миг
Родимой речи таинство постиг,
Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет Синайский глас и вышний трубный гром;
Что песню мужика: «Во зеленых лугах»
Создать понудил звук, и тайнозренья страх?

Век XX необратимо наступал на «Рублёвскую Русь». Находясь в больших городах, олонечкий стихотворец видел нарастающее влияние цивилизации, чувствовал её тлетворный запах. *«Тоскую в городе, вот уже целых три года, по заячьим тропам, по голубам вербам, по маминной чудотворной прялке»*. Необретный облик приобретает Русь-Китеж в стихотворении с одноимённым названием: *«В Светлояр изрыгает завод / Доменную отпрыску – шлаки... / Светляком, за годиною год, / Будет теплиться Русь во мраке»*. И уж как-то особенно актуально сегодня

звучит клюевский стих: *«Строгановские иконы – / Самоцветный, мужицкий рай; / Не зовите нас в Вашингтоны, / В смертоносный, железный край»*.

* * *

По керженской игумень Манефе,
По рассказам Мельникова-Печерского
Всплакнулось душеньке, как дрохве
В зоологическом, близ моржа Пустозерского.

Потянуло в мир лестовок, часословов
заплаканных,
В град из титл, где врата киноарные...
Много дум, недомолвок каляканных
Знают звезды и травы цитварные!

Повесть дней моих ведают заводи,
Бугорок на погосте родительский;
Я родился не в башне не в пагоде,
А в дугу, где овчарник обительский.

Помню Боженку, небо первачное,
Облака из ковриг, солнце шаное,
В пеклеванных селениях брачное
Пенье ангелов: «чадо желанное».

На загнетке соборы святителей,
В кашных ризах, в подрясниках маковых,
И в твoroжных венцах небожителей
По укладкам келарника Якова.

Помню столб с проволокой гусавою,
Бритолицых табашников-нехристей;
С «Днесь весна» и с «Всемирною славой»
Распростился я сгнувши без вести.

Столб-кудесник, тропа проволочная, —
Низвели меня в ад электрический...
Я поэт — одалиска восточная
На пирушке бесстыдно языческой.

Надо мною толпа улюлюкает,
Ад зияет в гусаре и в патере,
Пусть же Керженский ветер баюкает
Голубец над могилою матери.

(продолжение следует)

Ведущий рубрики —
М. Душин

История храма Архангела Михаила

Дневник настоятеля храма Архангела Михаила
села Михайловская Слобода
протоиерея Стефана Смирнова

(продолжение)

1 апреля 1930 года.

Страстный понедельник. Преподобной Марии. Стоит сухая погода и на лугу сухо, кое-кто начинает пахать.

7 апреля 1930 года.

Пасха Христова. Народу в церкви как и в прошлые года — не больше. Ночь тихая, теплая, кругом церкви шли с зажженными свечами и настолько было тихо, что свечи не гасли. Большой недостаток для церковного торжества — звона пасхального не было, в окрестностях только в Чулкове и Синькове остались колокола. У нас хотя к Благовещению и повесили обратно 12-пудовый колокол, но после того мощного звона какой был у нас очень жалкий звон остался. Народ очень жалеет звон колокольный. За вечерней в первый день Пасхи народу в церкви было очень много.

14 апреля 1930 года.

Фомина неделя. Всю неделю Пасхи погода стояла замечательная — теплая и ясная. Во вторник 9 апреля выставил пчел 5 ульев — все живы. 12 апреля 1930 года благословил Николая на брак с Марьей, первого сына благословил по-старинному с молитвой, дай Бог ему счастливой супружеской жизни, в очень тяжелое время вступают в семейную жизнь.

14 апреля 1930 года.

После теплых дней сегодня холодно и снег, даже ночью был мороз.

21 апреля 1930 года.

Неделя жен-мироносиц. Всю неделю молились в церкви перед своею иконой Божьей матери, молящихся было

порядочно. На Фоминой неделе, в понедельник 15 апреля, венчался Николай в селе Черкизове, на Марии Успенской, а на Пасхе их благословили. Служили как в Фомин понедельник, так и в неделю Жен-Миросниц своим причтом без приезжих. Кругом ограды был крестный ход, народу было очень много, молитвенный подъем у народа был.

22 апреля 1930 года.

Ходил в Раменское: получил обратно взятый при раскулачивании крест.

23 апреля 1930 года.

Георгиев день. В Кулакове ходили по обычаю со святой водой.

27 апреля 1930 года.

Проводили Ваню из Москвы в Новосибирск, а из дому его проводили 24, жаль так далеко провожать на самостоятельную жизнь. Дай Бог ему здоровья, парень пока неглупый, но опыта жизненного еще нет.

29 апреля 1930 года.

Вторая половина апреля стояла сухая, ночами были заморозки. Сеют овес и сажают картофель, но не спешат из-за холодной и сухой погоды. Сегодня прошел обильный дождь с грозой и третий день стоит тепло.

9 мая 1930 года.

Николин день. Погода очень теплая, выпали небольшие дожди, овес и картофель весь почти посеяли. Яблони и вишни цветут, на яблоне цвета очень много.

16 мая 1930 года.

Вознесение Господне. Погода стоит очень сухая и теплая, собираются туч-

ки, но дождя настоящего нет. Рожь в общем пока идет хорошо, выколосилась хороша на навозных полосах. В саду пчела брала хорошо.

19 мая 1930 года.

Со вчерашнего дня погода резко изменилась на холодную, сегодня местами был даже снег, при сухой погоде холод неважно.

26 мая 1930 года.

Троица святая. Народу в церкви было много.

27 мая 1930 года.

Духов день. Погода стоит жаркая, сухая, яровые и трава идут плохо, а 19-го и 25-го ночами были морозы и ранние овощи — помидоры и огурцы побил морозом почти наполовину, картофель ранний тоже повредил мороз.

1 июня 1930 года.

Засуха стоит страшная, овес на песках желтеет, рожь тоже.

4 июня 1930 года.

Местами прошел дождик с градом, ночи холодные.

7 июня 1930 года.

Небольшие дожди, холодновато.

19 июня 1930 года.

Стоит сухая, жаркая погода. Травы в лугах можно сказать нет.

20 июня 1930 года.

Утром прошел очень хороший дождик. Июль стоял: дожди, тепло. Пчела хорошо брала с гречи, август был дождливый, было много грибов. В последних числах августа ночные заморозки побил огурцы и помидоры.

19 сентября 1930 года.

Заморозки и снег, есть еще картофель на полях, особенно в колхозах — не вырыт.

23 сентября 1930 года.

Подморозило ночью, днем снег. Есть еще картофель в поле, овес и греча на гумнах. Из-за дождей в августе с уборкой хлеба очень запоздали.

2 октября 1930 года.

На другой день Покрова убрал ульи под заднюю террасу, ульи сырые.

26 октября 1930 года.

Димитриев день. Убрал ульи в подпол 5 штук. Погода весь октябрь стоит замечательная, теплая, даже заморозков нет, но грязи много. В последние дни октября выпали дожди.

Погода настолько теплая, что около ключа сегодня видел грибы-опенки. Из Рязани приезжал Леша на ок-

тябрьские праздники, жаль последнего сына отпустить от себя, что-то ждет его впереди?

5 ноября 1930 года.

Подморозило, выпал снежок.

7 ноября 1930 года.

Канун Архангела. Подмораживает, но река еще не замерзла, идет небольшой снег. С 5-го на 6-е скот стал на двор.

8 ноября 1930 года.

Праздник Архангела Михаила. Служил в церкви архимандрит Иринарх. Народу в церкви было порядочно. Служба прошла хорошо, погода: тихо, ясно, подморозило.

11 ноября 1930 года.

Снег, ветер. Погода — зима, река стала.

15 ноября 1930 года.

Оттепель. Немного подморозило, снегу еще мало.

18 ноября 1930 года.

Немного подморозило, снегу еще мало.

26 ноября 1930 года.

Георгиев день. В церкви служил архимандрит Иринарх. Народу было много. Погода снег, туман, можно ездить на санях.

29 ноября 1930 года.

Подморозило, ясно. Езда на санях. Через реку опять стало можно ходить.

6 декабря 1930 года.

Николин день. Народу в церкви было порядочно. До сего дня морозно, ясно.

7 декабря 1930 года.

Выпал снежок, морозно.

12 декабря 1930 года.

Святителя Спиридона. Ясно, тихо.

13 декабря 1930 года.

Снег, морозно.

15 декабря 1930 года.

Ясно, морозно. Насчет кормов дело обстоит плохо, сено от 8 до 10 руб./пуд и то с трудом можно найти, соломы и той в продаже нет, а если можно найти по 5 руб./пуд. Дрова привозят 30 руб./метр и дороже до 45 рублей. Трудно прокормить будет скотину.

23-24 декабря 1930 года.

Метели, вьюга, мороз.

25 декабря 1930 года.

Рождество Христово. Народу в церкви было порядочно. Погода: облачно, снег небольшой, декабрь был морозный, до 24-го числа ясно, морозно, а с 24-го — снежно.

1 января 1931 года.

Погода стала теплее. В церкви народу было порядочно.

2 января 1931 года.

Тепло.

6 января 1931 года.

Крещение Господне. Народу в церкви было очень много. Воду святили в церкви, на озеро не ходили, служил один я, отец Иван заболел. Погода вчера и сегодня — снег, метель.

12 января 1931 года.

Татьянин день. Морозно, ясно, тихо, на деревьях иней.

2 февраля 1931 года.

Сретение Господне. Воскресение мясопустное. Погода 7 декабря — мороз и ясно.

9 февраля 1931 года.

Потеплело и выпал снежок. Первую неделю поста служил в церкви до пятницы. Всю неделю пилили дрова в лесу по наряду. Погода — мороз.

16 февраля 1931 года.

1 марта нового стиля. В первое воскресенье поста отвел корову Красотку в коммуны. Прошлый год корову брали в колхоз, но вернули обратно, теперь, видно, окончательно расстался с ней — жаль! 27 лет жил в Слободе с коровой на дворе, теперь видно придется поголодать, вновь корову уже не приобрести, на двор выйдешь — тоска! В доме тоже.

18 февраля 1931 года.

Погода — второй день дожди.

9 марта 1931 года.

Воскресение. Сорок мучеников. Второй день тепло, а до сего дня с 20 февраля стояли морозы. Весна идет туго, зима была морозная, а конец зимы — снега и метели.

25 марта 1931 года.

Благовещение. Вторник Страстной недели. Как в Вербное воскресенье, так и в Благовещение народу в церкви было как всегда в эти праздники порядочно. Погода: мороз, зима, дорога зимняя.

30 марта 1931 года.

Пасха Христова. Народу в церкви было порядочно, но не больше, чем в предыдущие годы. Служба в церкви прошла хорошо. Погода: зима настоящая, снегу есть очень много, дорога зимняя.

Весны еще и признаков почти нет. С кормами для скота дело обстоит плохо, праздничного настроения у народа мало.

7 апреля 1931 года.

Лед тронулся на реке. До сего дня ходили еще по льду. Снегу еще везде много.

8 апреля 1931 года.

Вторник Фоминой недели. Молились в церкви Божьей Матери перед своей иконой. Сегодня очень теплый день, на реке полный ледоход, но воды еще большой нет, хотя и ожидали большого половодья.

13 апреля 1931 года.

Неделя Жен-Мироносиц. Служили только я, отец Иван и дьякон. За молебном вечером народу было очень много. Крестный ход был только в ограде, кругом церкви. Молебен был в церкви.

15 апреля 1931 года.

Выставил пчел пять ульев. Все живы пока. Вода на реке пошла медленно на убыль, разлив был большой, все луга заливало.

16 апреля 1931 года.

Стоит очень теплая погода. Ясно, можно уже пахать, но поле только еще делят колхозники с единоличниками.

21 апреля 1931 года.

Выгнали скот в поле, молебна на выгоне не служили первый раз в века. Погода жаркая, начали пахать.

9 мая 1931 года.

Николин день. Стоит замечательная теплая погода, цветет вишня и яблоня.

14–27 мая 1931 года.

Сухо, жарко. Сирень в полном цвету. Вишня отцветает. Цвету на вишне и смородине было много. Дождика бы надо.

22 мая 1931 года.

Май стоял необыкновенно жаркий и сухой, в середине мая три утра были заморозки. Сегодня прошел хороший дождик.

15 сентября 1931 года.

Убрал пчел на двор ввиду того, что у отца Ивана и диакона по несколько ульев украли, убрал 6 шт. ульи с медом.

Лето для пчел стояло благоприятное. Лето в общем стояло хорошее, только осень была дождливая. Травы были хорошие. Хлеба и картофеля средние. Сена ныне я в лугу не косил.

(окончание следует)

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА В МАРТЕ

Дата	День недели	Время	Богослужение
2	вторник	17:00	Великая Павечерница
3	среда	06:30	Литургия Прежеосвященных Даров
4	четверг	17:00	Великая Павечерница
5	пятница	06:30	Литургия Прежеосвященных Даров
		16:00	Панихида. Утреня
6	суббота	06:30	Божественная Литургия. Родительская суббота
		15:00	Всенощное бдение
7	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Иконы Божией Матери Феодоровския
		17:00	Вечернее Богослужение
8	понедельник	06:30	Литургия Прежеосвященных Даров. Обретение честныя главы Святаго и Славнаго Пророка и Предотечи Крестителя Господня Иоанна
11	четверг	17:00	Великая Павечерница
12	пятница	06:30	Литургия Прежеосвященных Даров
		16:00	Панихида. Утреня
13	суббота	06:30	Божественная Литургия. Родительская суббота
		15:00	Всенощное бдение
14	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя Крестопоклонная
16	вторник	17:00	Великая Павечерница
17	среда	06:30	Литургия Прежеосвященных Даров. Поклонение Честному Кресту
18	четверг	17:00	Великая Павечерница
19	пятница	06:30	Литургия Прежеосвященных Даров. Поклонение Честному Кресту
		16:00	Панихида. Утреня
20	суббота	06:30	Божественная Литургия. Родительская суббота
		15:00	Всенощное бдение
21	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Преподобнаго Иоанна, писателя Лествицы
		17:00	Вечернее Богослужение
22	понедельник	06:30	Литургия Прежеосвященных Даров. Святых мученик четыредесяти, иже в Севастии
24	среда	16:00	Великий канон Андрея архиепископа Критскаго
25	четверг	06:30	Литургия Прежеосвященных Даров
26	пятница	16:00	Вечернее Богослужение
27	суббота	06:30	Божественная Литургия. Похвалы Пресвятыя Богородицы.
		15:00	Всенощное бдение
28	воскресение	07:00	Божественная Литургия. Неделя 5-я Великаго Поста.
29	понедельник	17:00	Великая Павечерница
30	вторник	06:30	Литургия Прежеосвященных Даров. Преподобнаго отца нашего Алексия, человека Божия

В расписании возможны изменения.

Издание Михаило-Архангельской Единицверческой общины

Главный редактор: св. игумен Принарх

Заведующий производством: И.В. Краев

Телефон редакции: (095) 510-51-21

Ответственный за выпуск: диакон Е.Н. Саранча

Корректоры: М.Н. Душин, А.И. Титова

(2004 год, выпуск III)

Ваши пожертвования на приобретение данного издания будут использованы на нужды воскресной школы храма Архангела Михаила и издательскую деятельность нашего прихода.

Дорогие читатели, низайше просим Вас, после прочтения очередного номера нашего издания, не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.